

КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА: РАБОТА НАД МЕТОДОЛОГИЧЕСКИМИ ОШИБКАМИ

Т.В. Романова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Нижний Новгород

В публикации формулируются методологические требования, определяющие когнитивный подход к анализу текста: привлечение знаний о психических процессах; анализ концептуальной структуры текста; различение семантического и концептуального анализа; учёт феноменов интертекстуальности и дискурсивности.

Ключевые слова: когнитивный анализ, концептуальная структура текста.

Cognitive Analysis of the Text: Working on Methodological Mistakes
Tatiana V. Romanova
Higher School of Economics – National Research University

In the article methodological requirements that define the cognitive approach to text analysis are formulated. Among them are involving the knowledge of psychological processes, analysis of the conceptual structure of the text, differentiating between semantic and cognitive analyses, taking into account such phenomena as intertextuality and discursiveness.

Key words: cognitive analysis, conceptual text structure.

Идея данной статьи родилась из практической потребности сформулировать / обобщить принципы анализа текста с когнитивной точки зрения. Очень часто то, что называют когнитивным анализом, сводится к аспектному – коммуникативно-прагматическому, категориальному – анализу текста. На сегодняшнем уровне развития лингвистики текста и когнитивной лингвистики представляется возможным сформулировать ряд методологических требований, обуславливающих когнитивный подход к анализу текста.

1. Когнитивный анализ текста предполагает не только и не столько самодостаточный речевой и языковой анализ, сколько анализ через речь и язык процессов восприятия (понимания) и продуцирования текста, что требует привлечения знаний о таких психических процессах, как память, воображение, чувственное восприятие и т.д.

Понимание есть проявление единой многоуровневой памяти: моторной, эмоциональной, образной, словесно-логической. Понимание текста при этом может измеряться, во-первых, построением проекции текста, во-вторых, уровнем выявления личностного смысла. Когнитивными опорами при восприятии и понимании текста являются ключевые слова, структурные опоры (сильные позиции, макроструктуры), опора на ситуацию порождения / восприятия текста. Кроме того, известно, что «понимание текста предполагает не только знание языка, но и знание

мира» [6. С. 87]. Как писал Н.И. Жинкин, «понимать надо не речь, а действительность» [9]. При помощи универсально-предметного кода (УПК) принимающий речь преобразует её в модель отрезка действительности, о котором сообщается, и «возникает денотат, учёт которого соответствует акту понимания» [9. С. 57]. А поскольку «содержание, которое заложено в языковых единицах, отражает не только предметы, явления и отношения внешнего мира, но и их специфическое преломление в «речевых представлениях» говорящих и слушающих, а эти представления нередко существенно отличаются от объективных свойств предметов, явлений и отношений внешнего мира» [4. С. 137], то интерпретация текста зависит, с одной стороны, от его адекватности отражённому фрагменту мира, а с другой стороны – от фоновых знаний «говорящих и слушающих». Лингвистическим аналогом того и другого выступает presupposition в разной терминологической интерпретации: и как «компонент смысла предложения, который должен быть истинным для того, чтобы предложение не воспринималось как семантически аномальное или неуместное в данном контексте» [15. С. 401], и как компонент общих знаний говорящего и слушающего.

2. Когнитивный анализ текста, в первую очередь, это анализ концептуальной структуры текста.

В качестве основной единицы смысловой структуры текста принято рассматривать концептуально значимый смысл [8] («речевой смысл» [3], «актуальный смысл» [3; 7]), то есть такой смысл, который непосредственно соотносится с концепцией (содержанием текста) в целом. Концепция – система представлений, идей, пронизанная личностным началом, субъективным видением мира, следовательно, это фрагмент языковой картины мира личности, фрагмент ее концептосферы (совокупности концептов). Экспликатом в языке концептуальной картины мира является слово-концепт.

Особого внимания на начальном этапе анализа текстовых концептуальных структур, ассоциированных с каким-либо словом, требуют текстовые лексико-грамматические группы, разворачивающиеся вокруг имени концепта как центра субъективного «конденсата смысла» и дающие возможность восстановить некоторый «узел» в тезаурусе личности и соответствующий ему фрагмент индивидуальной картины мира. Однако авторский концепт как таковой стоит за целым произведением: «определенная концепция мира может скрываться, угадываться и за афоризмом, но она в нем не явлена, не выражена; для того чтобы представить эту концепцию в явной форме, необходим текст» [8. С. 74]. Текст презентует как отдельный концепт, так и концептосферу языковой личности.

Концептуальная структура текста в ее тезаурусном представлении включает лишь элементы композиции, находящиеся в сильной позиции,

каждой единицы, а центробежные силы – контекст экстратекстовой, связывающий каждое слово со всей культурой человечества [29, С. 8].

Итак, можно сформулировать методологические требования, определяющие когнитивный подход к анализу текста: привлечение знаний о психических процессах; внимание к концептуальной структуре текста; различение семантического и концептуального анализа; учёт феноменов интертекстуальности, гипертекстуальности, дискурсивности.

Библиографический список

1. *Бабушкин А.Л.* Типы концептов в лексико-грамматической семантике языка, их личностная и национальная специфика: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Воронеж, 1998. 41 с.
2. *Бондырева Н.Н.* Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во Тамбовск. гос. ун-та, 2000. 123 с.
3. *Бондарко А.В.* Грамматическое значение и смысл. Л.: Наука, 1978. 177 с.
4. *Бондарко А.В.* Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб.: СПбГУ, 1996. 219 с.
5. *Глинина О.Г.* «Темные аллеи» И.А. Бунина как художественное единство. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 21 с.
6. *Дейк Т.А. ван.* Язык. Понимание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 310 с.
7. *Долгин К.А.* Интерпретация текста: Учебное пособие для студентов. М.: Просвещение, 1985. 288 с.
8. *Дымарский М.Я.* Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX-XX вв.) СПб.: СПбГУ, 1999. 240 с.
9. *Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 157 с.
10. *Карацоло Ю.Н.* Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999. 180 с.
11. *Карацоло Ю.Н.* Лингвистические основы функционального подхода в литературоведении // Проблемы структурной лингвистики – 80. М., 1982. С. 14-27.
12. *Колесов В.В.* Концепт культуры: образ – понятие – символ // Вестн. Санкт-Петербургск. гос. ун-та. Серия 2. Вып. 3 (№16), 1992. С. 30-40.
13. *Кубрякова Е.С.* Обеспечение речевой деятельности и проблема внутреннего лексикона // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. С. 82-140.
14. *Кубрякова Е.С.* Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Известия РАН. Серия литературы и языка, 1997. Т. 56. №2. С. 22-31.
15. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
16. *Лошаков А.Г.* Сверхтекст: семантика, прагматика, типология. Дис. ... докт. филол. наук. М., 2008. 557 с.
17. *Лукин В.А.* Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа: Учеб. для филол. спец. вузов. М.: Ось, 1994. 560 с.

18. *Резина О.Г.* Безмерная Цветаева: Опыт системного описания поэтического идиолекта. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2009. 600 с.
19. *Романова Т.В.* О содержании понятия «концептуальный анализ текста» (В. Астафьев «Забубенная головушка») // Вестн. Оренбургск. гос. ун-та, 2004. №1. С. 20-25.
20. *Романова Т.В.* Диалектика социального и индивидуального в процессе концептуализации и категоризации времени и пространства в художественной картине мира // Социальные варианты – VII: Материалы международной конференции 14-15 апреля 2011 г. Нижний Новгород. Н. Новгород: НГЛУ им. А.Н. Добролюбова, 2011. С. 251-255.
21. *Романова Т.В.* Интерпретация концептуальной структуры публицистического текста (на материале дневниковых заметок О. Павлова «Вышние люди») // Вопросы филологии. 2005. №1 (19). С. 23-29.
22. *Романова Т.В.* Интерпретация концептуальной структуры текста через концепт-название (В.П. Астафьев «Вечерние раздумья») // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки, 2004. Вып. 5. С. 95-99.
23. *Романова Т.В.* Лингвистический анализ художественного текста: Учеб. пособие. Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2009. 271 с.
24. *Романова Т.В.* Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе. СПб.: СПбГУ, 2003. 296 с.
25. *Романова Т.В.* Поэтика семантического признака (В. Шаламов «Лиственница») // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи: Материалы Международной научной конференции, посвящённой 1000-летию г. Ярославля. Ч. 1. Ярославль: Изд-во Ярославск. гос. пед. ун-та, 2011. С. 125-132.
26. *Романова Т.В.* Человек и время. Язык. Дискурс. Языковая личность: Монография. Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2011. 248 с.
27. *Руднев В.П.* Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997. 187 с.
28. Словарь иностранных слов. Изд. 18-е. М.: Русский язык, 1989. 624 с.
29. *Устин А.К.* Текст. Интертекст. Культура. СПб.: SuperMax, 1995. 95 с.
30. *Филитов К.А.* Лингвистика текста: Курс лекций. СПб.: СПбГУ, 2003. 336 с.
31. *Хартунг Ю., Брейдо Е.* Гипертекст как объект лингвистического анализа // Вестник МГУ. Серия 9. Филология, 1996. №3. С. 61-76.
32. *Чернявская Б.Е.* Интертекстуальность и интердискурсивность // Текст-Дискурс-Стиль. Коммуникация в экономике: Сб. науч. ст. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. С. 23-42.
33. *Greimas A.J.* Sémantique structurale. Recherche de méthode. Paris, 1966.
34. *Greimas A.J.* Structurale Semantik. Methodologische Untersuchungen. Braunschweig, 1971.
35. *Weitzbicka A.* Lexicography and conceptual analysis. Ann Arbor: Karoma, 1985. 368 p.

структура, содержание, процесс формирования, а значение языковой единицы, семно-семная структура слова, называющего концепт. Такая компиляция или замена часто происходит и при анализе текста. В то же время нам представляется неверным утверждение о несовместимости семантического и когнитивного (концептуального) анализа.

С одной стороны, при концептуальном анализе когнитологи интерпретируют схемы, фреймы, сценарии и другие формы организации и структуры представления знаний, не связывая их с семным составом языковых единиц. Одна из основных структур анализа представляется при этом как совокупность поэтапных действий, хранящая в памяти в виде определённой модели [2]. С другой стороны, есть мнение, что концептуальные характеристики выявляются через значения языковых единиц, репрезентирующих данный концепт, их словарные толкования, речевые контексты [1]. Объектом концептуального анализа при этом, соответственно, являются смыслы, передаваемые отдельными словами, словосочетаниями, типовыми предложениями и их реализациями в виде конкретных высказываний, а также отдельными текстами и даже целыми произведениями.

Укажем на разграничение семантического и концептуального анализа в работе Е.С. Кубряковой: семантический анализ, по мнению автора, эксплицирует семантическую структуру слова, уточняет денотативное, сигнификативное и коннотативное значения; концептуальный анализ предполагает поиск общих концептов (т.е. фрагментов знания о мире), подведённых под один знак [13. С. 85]. Если для семантического анализа достаточно выявления перечня элементов, входящих в состав значения, то при концептуальном анализе эти элементы должны быть соотношены между собой и объединены в составе некоторого целого (модели). Сущности, используемые при построении концептуальных моделей, есть единицы категориального плана, под которые подводится целый ряд более конкретных концептов.

Цель когнитивно-лингвистического исследования – через описание значений максимального числа слов и выражений, вербализирующих, репрезентирующих тот или иной концепт в национальном языке (или в конкретном речевом произведении / тексте), систематизировать участок системы языка, репрезентирующий данный концепт (семантическое, лексико-семантическое, синтаксическое поле; в отношении текста – тематическую сетку), что позволит, в свою очередь, выявить первичный образ, концептуальные признаки, но не даст возможности исчерпывающего моделирования структуры концепта. Конечной целью лингвокогнитивного анализа является реконструкция концепта как мыслительной единицы по данному языку и речи (текста). В связи с этим важнейшим этапом лингвокогнитивного анализа является когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых единиц, именно на этом этапе

выделяющиеся на фоне ментального пространства текста (ремагическая позиция, позиция повтора и др.). Нередко сильные позиции являются одновременно авторсемантическими и так же, как авторсемантические отрезки, тяготеют к началу и концу текста. По существу можно назвать только один текстовый знак, который присущ всем текстам и всегда занимает в них одно и то же место, образуя сильную позицию, – заголовок [17. С. 59]. Начало текста и заголовок – точка отсчета понятийного цикла и потому предмет особого внимания, ключ к концептуальной структуре произведения.

А. Вежбицкая вводит термины концепт-минимум и концепт-максимум [35]. Концепт-минимум – это неполное владение смыслом слова, присущее рядовому носителю языка. Концепт-максимум – это полное владение смыслом слова, свойственное рядовому носителю языка. Если перенести это на концепт-заголовки, то концепт-минимум – это содержание и объем концепта-заглавия на входе (до чтения), концепт-максимум – на выходе (после чтения). «Концепт – исходная точка семантического наполнения слова (заглавия и одновременно – конечный предел развития» [12. С. 34]. Название – компрессия концептуального смысла текста, оно определяет стратегию текста; тактикой, раскручивающей, как пружина, данный концепт, является модально-оценочная семантика. Средством выявления концептуального содержания служит анализ мотивационно-прагматических установок автора (речевых тактик и стратегий), определяющих динамику формирования концептуальной структуры текста; установление когнитивной структуры, формата знания, который лежит в основе формирования заголовочного концепта рассматриваемого текста (прототип, схема, фрейм, сценарий, образ, символ и т.д.).

Когнитивная интерпретация требует, к примеру, анализа смысловых опор в познавательной деятельности читателя, смысловой структуры текста, процесса интерпретации концептуальных признаков, взятых в отвлечении от языкового способа их выражения; анализа процесса формирования содержания и объема концепта в читательском сознании; учёта не только знаний о языковых значениях и умения считать их косвенные значения, но и фоновых знаний и состояния читателя. Когнитивный метод – это анализ процесса или сам процесс кодирования декодирования смысла текста. В соединении с текстодентрическим подходом – выявление глубинного смысла, свёрнутой смысловой структуры текста, являющейся воплощением интенции и – через неё – мотива текстопорождающей деятельности автора и читательского восприятия. Пример такого анализа см. в: [19; 22; 23; 24].

3. Методологической ошибкой является неразличение, совмещение, а в результате – подмена концептуального анализа семантическим, когда анализируется не концепт как формат знания, «переживаемое понятие», его

языковые данные «переводятся» в когнитивные, что позволяет приступить к моделированию концепта. Таким образом, концептуальный анализ, включающий различные методики, используемые в когнитивной лингвистике, является логическим продолжением традиционного семантического анализа. Семантический анализ представляет исследователю тот материал, который подлжет дальнейшей аранжировке в составе концептуальной модели: концептуальные признаки объективируются в семантических признаках.

На современном этапе развития лингвистики текста принято считать, что семантика текста включает несколько слоев: лексико-грамматические, семантико-синтаксические значения, коммуникативно-прагматическое и когнитивное содержание и др. Грамматические зависимости (соединение элементов) создают первый уровень текста, то есть формируют текст как «ткань», «полотно». Второй уровень текста усматривается в образовании смысловых единиц, в содержательных взаимосвязях, которые охватывают целые фрагменты текста [30. С. 258-259].

Семантическая когерентность текста обусловлена отношениями изотопии, в которые вступают элементы текста. Изотопические отношения накладываются на грамматические связи компонентов текста, недаром всю совокупность изотопических отношений в тексте называют «изотопической сетью» (Isotopiensetz) текста.

Понятие изотопии введено в лингвистический обиход А. Греймасом [33; 34] и заимствовано им из естественных наук. Под изотопами (isos – 'равный', + topos – 'место') в науке понимаются «атомы одного и того же химического элемента, ядра которых содержат одинаковое число протонов, но разное количество нейтронов; имеют разные атомные массы, обладают одинаковыми химическими свойствами, в частности устойчивостью и распространенностью» [28. С. 190]. Согласно А. Греймасу, изотопия присутствует там, где имеется «семная рекуррентия», то есть семный повтор: в разных частях текста повторяются лексемы, несущие в себе одинаковые семы. В результате возникают изотопические цепочки, пронизывающие всю структуру текста (фрагмента текста). В основе изотопии лежит так называемое явление «семантической эквивалентности» (= парадигматики), наблюдаемое при сопоставлении лексических единиц языка.

Считаясь друг с другом в тексте, слова обеспечивают его связность за счет того, что особым образом взаимодействуют их лексические значения. Коммуникативная ориентация лексических единиц предполагает определенную систему их концептуального выдвигания. Сопряжение выдвигаемых текстуально элементов в сознании читателя образует пучок связей, их узел. Эти узловые звенья лексической структуры текста служат опорными смысловыми вехами в познавательной деятельности читателя.

«Семантические признаки – это элементы смысловой структуры текста, взятые в отвлечении от способа их выражения. Семантические признаки могут передаваться денотативно и коннотативно, через внутреннюю форму, грамматические категории, синтаксические конструкции, графику, фонетику, ритмомелодику <...> через семантические признаки связаны едва ли не все слова в тексте, семантические признаки минуя синтаксические связи, создавая в целом пространство, очень похожее на живописное полотно» [18. С. 79].

Семантические признаки подразделяются на:

- простые (неразложимые в пределах данного текста);
- сложные (имеющие варианты, а также производные от них);
- интегральные (выраженные на протяжении всего текста, т.е. представленные как дистанцированные повторы);
- локальные;
- яркие (хотя бы в одном случае выступающие как необходимый компонент стигматизированного значения);
- тусклые (не имеющие среди своих означающих названной формы выражения, т.е. относящиеся к коннотации) [18. С. 81-82].

См. пример такого анализа в: [25; 26].

Чтение текста линейно, синтагматично, а существование и функционирование его в читательском сознании – парадигматично; то есть «линейная последовательность единиц преобразуется в процессе восприятия и понимания в иерархическую систему зависимостей...» [11. С. 25].

Текст как двухуровневое образование предполагает, что исследователь учитывает текстовые грамматические зависимости и содержательные взаимосвязи (макроструктуру).

Изотопическая сеть – это совокупность семантических отношений между отдельными лексемами, что позволяет установить когнитивные связи между отдельными, иногда достаточно удаленными друг от друга компонентами текста. Плотность изотопической сети – одна из объективных характеристик содержательной связности / цельности текста. Общее содержание текста формируется из содержания отдельных пропозиций (см. макроправила Т. Ван Дейка). С помощью языковой способности отдельные содержания мы объединяем в содержательные единства более высокого ранга (макроструктуры). Макроструктуры имеют скорее когнитивную, чем семантическую природу. Исходный текст при воспроизведении подвергается следующим модификациям:

- свёртывание;
- изменение содержания элемента;
- развёртывание.

Такие модификации возможны только при наличии общего фонда знаний, содержащихся в долговременной памяти человека. Иерархия пропозиций – это содержательная схема текста.

См. примеры текстового анализа [19; 20; 22; 23; 24].

4. Невербализованный подтекстовый смысл возникает / формируется на глубинном уровне текста и выявляется на основе феноменов аллюзивности, прецедентности, интертекстуальности.

При анализе интертекста важны прежде всего два вопроса: какие сигналы указывают на авторскую аллюзию? Каким образом используются в позднейшем тексте воспроизводимые им черты предтекста (текста-интерпреванты)?

Интерпретация интертекстового содержания концепта осуществляется путем определения интенционала, импликационала, экстенционала, прагматического значения понятия-концепта, вынесенного в сильную позицию текста (ямы концепта), в тексте-интерпреванте, данном тексте и интертексте (структурируемом в сознании читателей-интерпретатора); выявления актуальных позиций для концептуальных знаков; выявления авторских речевых тактик и стратегий, определяющих динамику формирования концептуальной структуры текста; сравнения языкового содержания заглавного концепта и авторских мотивационно-прагматических установок в тексте интерпреванте и анализируемом (данном материальном) тексте. Дальнейшая интерпретация содержания концепта предполагает привлечение междисциплинарной, общекультурной информации и несобственно языковых методик анализа ментальных пространств. Анализ концептуальной структуры текста в целом требует выявления иерархической организации концептов, составляющих концептуальную структуру, и взаимосвязи и взаимообусловленности ее элементов. См. анализ в: [21; 23].

5. Анализ текста с когнитивной точки зрения предполагает учёт соотношения содержания понятий текст – дискурс – интертекст – гипертекст – сверхтекст.

С одной стороны, под дискурсом понимают текст в неразрывной связи с его ситуативным контекстом, определяющим все то, что существенно для данного высказывания, текста, в связи с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом. В этом смысле дискурс характеризует коммуникативный процесс, коммуникативное событие, приводящее к образованию определенной структуры – текста. С другой стороны, дискурс обозначает коммуникативное событие как интергративную совокупность коммуникативных актов, результатом которого является содержательно-тематическая общность многих текстов. Сущность дискурса в его втором, обобщающем понимании раскрывается следующим определением. Под дискурсом понимается корпус текстов, связь между которыми

устанавливается на основании содержательных критериев: тексты одного дискурса так или иначе обращены к одному предмету, теме, концепту, связаны друг с другом семантическими отношениями и / или выступают в общей системе высказываний, объединенных в коммуникативном и функциональном отношении. Это последнее определение раскрывает суть таких понятий, как научный дискурс, политический, журналистский, религиозный, философский и т.д.

Дискурс выступает как языковой коррелят соответствующей сферы коммуникативно-речевой деятельности, человеческого сознания и практики (функциональный стиль плюс экстралингвистический фон). За каждым дискурсом стоит особая системность и упорядоченность языковых единиц, стратегий и правил их употребления в отдельных высказываниях/текстах как фрагментах дискурса. Эта системность в формировании тех или иных языковых закономерностей обуславливается сложным взаимодействием и взаимосплетением факторов экстралингвистического фона, как непосредственного ситуативного контекста в интергративном взаимодействии адресанта и адресата, так и культурных, социально-исторических, идеологических и прочих факторов [32. С. 33-34].

Дискурс – это понятие когнитивного (лингвосоциологического) направления науки о языке. Опираясь на возможность естественной категоризации мира, исследователь в тексте и дискурсе способен «стянуть в единый узел при их анализе и семантические, и семантические, и ономаσιологические, и формальные характеристики соответствующих единиц и категорий и системно связать их» [14. С. 24].

Категориальные средства текста указывают на определенное событие, участников коммуникативного акта: 1-е и 2-е лицо (говорящего и слушающего), участников данной ситуации (3-е лицо объекта), на обстановку: речевое (художественное) пространство, место субъекта и объекта, время, условия разного рода. К числу категориальных средств относятся и оценка, которая всегда (или чаще всего) присутствует в тексте. Перечисленные выше категории были выделены Т. ван Дейком в схеме – модели дискурса.

Использование языка – это процессуальная деятельность, у которой есть все динамические характеристики деятельности как таковой, есть средства ее осуществления, есть ее результаты (текст), но главное, есть исполнители и их цели.

Все более активно входит в научный оборот в зарубежных исследованиях термин интердискурсивность. Он характеризует взаимодействия между различными типами дискурса, то есть интегрирует, пересекающие различные областей человеческого знания и практики. В качестве отдельных примеров можно указать на использование, скажем, в рекламном дискурсе элементов научного дискурса – терминов, ссылок на

научный авторитет с целью создания псевдонаучного сообщения с воздействующим эффектом.

Художественная литература в целом строится как интердискурс. Примечательно, что в зарубежных оценках концепции М.М. Бахтина всеядности текста понятия «интертекстуальность» и «интердискурсивность» используются параллельно.

Теория «коллективного дискурса» – дискурса как совокупности многих текстов, – восходящая к идеям М. Фуко, развивалась именно как интердискурсивная теория. Дискурс, по М. Фуко, – это вообще не столько корпус обозначенных текстов, сколько отношения между отдельными высказываниями, элементами высказываний, пронизывающие совокупное множество текстов и объединяющие их в единую дискурсивную формацию. Идея дискурсивной сети – центральное понятие теории дискурса у М. Фуко [32. С. 37-38].

Наряду с понятием «текст» в поле зрения лингвистов в настоящее время находится понятие «гипертекст». Создатель первой гипертекстовой системы и теоретик гипертекста Т. Нельсон определяет его так: «Гипертекст – это способ представления информации в виде нелинейной структуры» [31]. В.П. Руднев под гипертекстом понимает иерархию текстов (словарь, где каждая статья имеет отсылку к другим статьям этого словаря; биография писателя – комментарий – глоссарий – пометы – рассказы) [27]; систему текстов одного писателя [5]. В предельном случае постмодернистский текст выступает как гипертекст, то есть такое художественное построение, которое жидется на нелинейном и многократном прочтении [27]. По мнению М.Я. Дымарского, гипертекст дает «взятая в пределе интертекстуальность» [8. С. 69].

В современной филологии востребован термин «сверхтекст», под которым понимается «ряд самостоятельных произведений словесного искусства, актуально и/или потенциально воспринимаемых в культурной практике (текстовой деятельности) в качестве целостной единицы» [16].

При введении термина «сверхтекст» его ограничивают от термина «гипертекст». Прочитав диссертационное исследование А.Г. Лошакова: «<...> вполне резонно введение критерия “носитель информации” с целью ограничить гипертекст от сходных или смежных с ним явлений. По мнению многих специалистов в области компьютерных технологий, гипертекстом следует называть только тот текст, который обладает, с одной стороны, электронным носителем, с другой – разветвленной и упорядоченной системой ссылок, позволяющих переходить от отдельного текста или его фрагмента к другим, связанным с ним по содержанию».

<...> правомерно противопоставлять электронный гипертекст и сверхтекст по признакам “суммативность” (экстенсивность) и “интергаивность”; и тот и другой феномен являются текстами открытого

типа, однако, в отличие от сверхтекста, гипертекст изначально планируется как текст, в котором связи устанавливаются не между композиционными единицами, а между отдельными законченными текстами, число которых может возрастать, эти связи преимущественно внешние, а не внутренние. Логичным является представление гипертекста в качестве обозримого конкорданса или ассоциативно-вербальной сети, собирающего воедино рассредоточенные в текстовом пространстве разные контексты употребления слова [10].

Нелинейность и открытость – это внутренние свойства сверхтекста, их эксплицированность отнюдь не обязательна, они проявляются по мере постижения максимальной смысловой установки сверхтекста, выявления центрирующего принципа редуцируемых в рамках интегративного образования цельностей и осмысления их смысловой роли по мере все большего и большего погружения в его глубинные структуры. Целостность гипертекста обуславливается его тематическим единством, наличием единой коммуникативной функции, но не собственно гипертекстуальными связями, которые лишь эксплицируют схему информационной структуры гипертекста, что позволяет пользователю осуществлять переходы между взаимосвязанными элементами.

Для теории сверхтекста <...> актуально различие гипертекстуальных и интертекстуальных связей. Если интертекстуальные связи зримые, обозначенные, приведенные в определенную систему, то для гипертекстуальных связей эксплицированность является факультативным признаком. Более того, техника, приемы гипертекстуальности могут быть выявлены в любом тексте, не обязательно только постмодернистском. По сути гипертекст – это в большей мере модель текста, его содержательный абрис, нежели текст как таковой <...>.

Гипертекст является ключевым понятием в постмодернистской научно-философской парадигме, при этом его понимание здесь сродни тому, которое укоренилось в информатике. Постмодернистская эпистема представляет собой разрозненные фрагменты текста культуры, которые соединяются посредством монтажа или коллажа, поэтому в гипертексте видят средство, форму, которая позволяет придать культуре целостность, зафиксировать при помощи гибких связей-переходов ее ускользающие значения, “присутствие отсутствия”» [16. С. 18-19].

В качестве примеров сверхтекстовой связи А.Г. Лошаков приводит соотношение текста пародии и текста произведения, на которое написана пародия; совокупность текстов журнала «Свисток» и др.

Поскольку принцип интертекстуальности позволяет видеть в тексте сплетение следов других текстов, его единицы подлежат дальнейшему развитию, границы текста становятся относительными, и в нем сочетаются центробежные и центростремительные силы. Последние создают внутритекстовый стилистический контекст, обогащающий значение